

НАША МАРКА

Александр
ЕТОЕВ

*бегство
в египет*

А М О В Р А

Александр Етоев

Бегство в Египет

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136339
Бегство в Египет: Амфора; Москва; 2001
ISBN 5-94278-025-0

Аннотация

«В детстве я выпиливал лобзиком, не курил и страшно не любил темноту. Полюбил я ее только лет в восемнадцать, когда начал курить, зато перестал выпиливать лобзиком. До сих пор об этом жалею.

Я помню, на нашей Прядильной улице, когда меняли булыжную мостовую, мальчишки из соседнего дома в песке отрыли авиационную бомбу. Участок улицы оцепили, жителей из ближайших домов эвакуировали к родственникам и знакомым, а мы, сопливое население, стояли вдоль веревки с флажками и ждали, когда рванет...»

Содержание

1	4
2	6
3	7
4	8
5	9
6	13
7	16
8	19
9	22
10	25
11	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Бегство в Египет

Маленькая повесть для больших детей

1

В детстве я выпиливал лобзиком, не курил и страшно не любил темноту. Полюбил я ее только лет в восемнадцать, когда начал курить, зато перестал выпиливать лобзиком. До сих пор об этом жалею.

Я помню, на нашей Прядильной улице, когда меняли булыжную мостовую, мальчишки из соседнего дома в песке отрыли авиационную бомбу. Участок улицы оцепили, жителей из ближайших домов эвакуировали к родственникам и знакомым, а мы, сопливое население, стояли вдоль веревки с флажками и ждали, когда рванет.

Приехала военная пятитонка, мордатый сапер с усами скомандовал из кабины двум молодым солдатикам: «Леха! Миха! Вперед!» – и Леха с Михой, дымя на бомбу авроринами, выворотили ее из песка, схватили, Леха спереди, Миха сзади, и, раскачав, зашвырнули в железный кузов.

С тех пор я знаю, что такое «гражданское мужество».

Друзей у меня было двое – Женя Йоних и черепаха Таня.

Втроем мы бегали на Египетский мост смотреть на мутную воду.

Да, чуть не забыл, внизу под мостом протекала река Фонтанка.

2

Художник Тициан был неправ. В Египте звенят тополя – серебряные и простые. И Мария везет младенца в скрипучей детской коляске с протертым верхом из кожзаменителя. А Иосиф, добрый лысый еврей, плетется чуть в стороне и бормочет невпопад Пастернака.

– Египет? Ты это брось, – сказал крестный. – Египет в Африке.

И, оттерев меня лбами, они с папой принялись на географическом атласе искать Африку.

Сначала они пришли в Антарктиду, где холодно.

Потом отправились на кухню курить.

Потом вернулись и крестный сказал: «Ага!» Это он нашел Африку. Она была разноцветная и большая, и по краям вся в трещинах африканских рек. В Африке было жарко, и крестный с папой пошли в Покровский сад выпить квасу.

Я знал, что это надолго, спрятал в карман котлету и спустился черным ходом во двор кормить черепаху Таню.

3

Старый Египетский мост охраняют сфинксы. Два – на коломенской стороне, у нас, и два – на другой, египетской.

Уже с полгода мы Женькой Йонихом мечтаем сбежать в Египет.

Женьке мешает скрипка, мне – ничего не мешает, но без Женьки я не могу: сами понимаете – дружба.

Йоних – человек гениальный, его мама, Суламифь Соломоновна, в этом абсолютно уверена, особенно в его музыкальном слухе. А я – так себе, серединка на половинку, просто человек, одним словом.

Собственно говоря, идея сбежать в Египет принадлежала Женьке. Я уже не помню, почему он выбрал Египет, а не дебри Борнео и не Соломоновы острова. Наверно, Египет тогда нам казался ближе. В Египет ходил трамвай – забирался на Египетский мост, немного медлил и проваливался за дома-пирамиды.

Зато я отлично помню, от чего он хотел сбежать – от этой своей гениальности, в которую он не верил.

4

Женька Йоних с утра репетировал – возле открытой форточки вместо утренней физзарядки. Скрипка еще спала, и звук получался сонный. Тонкий, тоньше комариного клюва, он медленно утекал за окно и падал на холодный асфальт. С кухни пахло куриным запахом пищи.

Женька Йоних вздыхал и с ненавистью глядел на скрипку. Скрипка, как половинка груши, спала на его плече. Тогда он больно и с тихой злостью таранил острым смычком ее надкушенную середину, она вздрагивала, сонно зевала, и все повторялось снова.

В клетке на этажерке жил злобный попугай Степа. Он слушал и насмехался. Музыку он не любил. Желто-зеленым глазом он смотрел на семечки нот, рассыпанных по нотной тетради, и облизывался костлявым ртом.

5

Женька у себя репетировал, а я с утра пропадал на улице.

Утро было воскресное, и торчать у всех на виду в просыпающейся коммунальной квартире – то еще, скажу я вам, удовольствие.

Сизый дым сковородок, застоявшееся в тазах белье, храп инвалида Ртова, от которого дрожат стены и мигает лампочка в коридоре, утренняя очередь в туалет... На улице было лучше.

Посверкивал диабаз, небо перебежали тучки, но день обещал быть теплым.

Ничего особенного от нашей улицы я не ждал, я знал ее как облупленную. Трамваи по ней не ходили, криминальный элемент Кочкин с июня был прописан в колонии, до ноябрьских праздников почти месяц. Друг, и тот репетирует по утрам – и приходится гулять в одиночестве.

Поэтому, когда я увидел стоящего у стены человека, то сначала не заметил в нем ничего особенного. Стоит себе и стоит у дома № 13, голову задрал вверх, над ним на фасаде кариатида, похожая на гипсовых физкультурниц из ЦПКО; когда-то кариатид было две, но напарницу ее в прошлом марте убила ледяная сосулька, когда скалывали с крыш лед.

Но что-то меня в этом типе заинтересовало.

Какой-то он был не такой, как все. Не совсем такой. Стоял

он не то чтобы беспокожно, но все-таки теребил пуговицу на рукаве. И пусть бы себе теребил, но при этом он удивительно напоминал Лодыгина, нашего лестничного соседа, очень непонятного человека.

Такое же пальтецо, мышиноного с пролысью цвета. Те же брюки в кривую линейку. И шляпа – главное, шляпа старинного охотничьего покроя.

А на шляпе – сбоку – жестяная птица глухарь.

И уши, и нос трамплином, и голос – все было его.

И только рыжие мочалки усов, топырящиеся из-под мохнатых бровей, были, кажется, не его.

Я задумался.

Глаза странного человека закрывали огромные в поллица очки – коричневые, без просветов, как маска.

Нет, очки были не лодыгинские. Тот носит обыкновенные, и дужка перемотана изолентой.

Я задумался еще крепче. Мне сделалось интересно. Я стал присматриваться. Сначала к шляпе с приклепанным к ней намертво глухарем.

Шляпа на человеке жила своей особенной жизнью. Она тихо сползала ему на глаза, доходила до какой-то черты и, должно быть, почувствовав, что пора, – быстро падала с головы на асфальт.

Асфальт всхлипывал, шляпа – тоже, человек нагибался за шляпой, и в это время с лица спадали очки.

Так он стоял, сгибаясь и разгибаясь. Сначала падала шля-

па, потом, за шляпой, очки. По очереди: шляпа – очки.

Но кто это был, Лодыгин или не он, – с места, где я стоял, было не разглядеть.

Человек стоял рядом с домом, плечом подпирая стену, и в промежутках, когда не сгибался-не разгибался, делал вид человека, который очень старательно высматривает кого-то на улице. Слишком старательно – и дураку было ясно, что смотрит он для отвода глаз. Я это понял сразу. Но это было еще не все. Не самое любопытное. Интереснее было другое.

Рядом с ним стоял еще один человек, без шляпы.

Ростом этот второй был ниже первого ровно на высоту шляпы, это когда у первого она держалась на голове. Стоял он ровно, не сгибаясь-не разгибаясь.

Лица у них были похожи. Вернее, очки на лицах. Коричневые, огромные, словно куплены в одном магазине.

Я тихонько присвистнул и продолжал наблюдать.

Похоже, у этого, что стоял ровно, болели зубы. К щеке его прирос какой-то дурацкий бабий платок в зеленый горошек да еще сверху перевязанный узелком. Как заячьи уши.

Стояли эти двое тоже как-то не по-людски, а друг к другу спинами. Они как бы не замечали один другого, как бы старались всем показать, что знать друг друга не знают и совсем друг другу не интересны.

Такая вот загадочная картинка.

Поначалу картинка была немой. Только глухо стучала шляпа, да с задержкой в четверть секунды до подворотни,

откуда я наблюдал, долетало гулкое эхо.

Но что-то было еще – какое-то бормотанье, чей-то голос, невнятный и шепелявый, скрывающийся за бубном очков и глухим барабаном шляпы. Чей только?

Я навел на резкость глаза и увидел, как у первого шевелятся губы. Голос был определенно Лодыгина. Говорил он как бы в пространство, как бы беседовал сам с собой, а второй, стоящий к нему спиной, как бы его не слушал.

Не слушал-то он не слушал, только ухо его дергалось, как укушенное, когда у первого шевелились губы. Потом проходило время, и первый, наговорившись, давал губам отдохнуть.

Тогда начинал другой. И все менялось местами. Второй шевелил губами, а первый как бы его не слушал.

Сцена была удивительная. Эти двое стояли, пока не думая расходиться. Ветер трепал их пальто, ежик на голове бесшляпого волновался, словно пряди Медузы, а в несчастную шляпу первого, когда она падала на асфальт, наметало палой листвы из садика на углу с переулком.

Тогда первый хватал свою ненавистную шляпу и, словно старинный сеятель, расшвыривал их оттуда по сторонам.

Надо было что-то решать. Улица уже оживала, и ясно было, что долго этим двоим не выстоять.

6

– Господи, ну я-то в чем виновата! – сказала мама, Суламифь Соломоновна. – Снова валяешь дурака?

– Я репетирую, – сказал Женька и смычком уколол струну.

– Врет, – сказал попугай, облизываясь костлявым ртом.

– Вижу я, как ты репетируешь. Это ж подумать – все для него, себя ради него не жалею, а что взамен? Черная неблагодарность! «Я репетирую». Если б Ойстрах так репетировал, кем бы он стал? Ойстрахом? Водопроводчиком он бы стал. Тебе абсолютно все равно, что говорит мать. Меня ты не слушаешь. Но если я для тебя ничто, то хотя бы ради памяти твоего покойного дедушки не сиди сложа руки. Работай.

– Я не сижу. Я репетирую.

– Ну хорошо, хорошо. Это хорошо, что ты трудишься. Ты еще маленький и многого в жизни не понимаешь. И может так получится, что когда поймешь, будет поздно. Так вот, чтобы не было поздно, ты должен меня во всем слушаться. Я твоя мать, и плохого тебе не желаю. Как ты этого не понимаешь!

Глаза ее стали влажными и коричневыми от заботы и от печали.

– Мама...

– Нет, ты не понимаешь. Пойми, у тебя способности. Ты сам не знаешь, что у тебя способности. А я знаю. И я их разо-

вью. Так что, не думай, водопроводчиком у тебя стать не получится. Не для этого я тебя родила. Вот увидишь, я сделаю из тебя Ойстраха.

Нитка с китайским жемчугом дрожала у нее на груди. Мама теребила жемчужины, оживляя их теплыми подушечками ладоней. Попугай, тревожно нахохлившись, принюхивался к куриным запахам кухни. Петушок на кухне, уже опаленный, уже отпевший лебединую свою песню, томился в тесной кастрюльке в золоте бульонной воды.

Жемчужины играли на солнце на белой материнской груди. А петушка принесли им в жертву, чтобы они играли на солнце, а порча и коварная чернь не подкрадывались их погубить.

Мама знала, как спасти жемчуг, – знала от своей мамы, бабушки Женьки Йониха, а та еще от своей, и так далее, от матери к дочери, в мудрую глубину веков.

Надо было дать склевать жемчужины петуху; там, в петушьей утробе, жемчуг набирал силу, а через день, к субботе, петух приносился в жертву, внутренности из него вынимались, и жемчужины, все новенькие как одна, снова радовались своему воскресению.

Мама, Суламифь Соломоновна, сказала сыну: «Играй» – и ушла.

Женька Йоних печально вздохнул и подумал про свой Египет.

За окошком над полосатыми крышами полз по небу жук-

скарабей. За Фонтанку, по белу небу, и лапками катил перед собой солнце.

Женька тронул струны и тихонечко заиграл.

Улица оживала.

Прошаркал вялый инвалид Ртов выпить квасу в Покровский сад. Молодые мамы выкатывали коляски. Прохожих становилось все больше.

Надо было что-то решать. Улица сама и решила.

«Сделаться на время прохожим. Ну конечно. Проще простого.»

Превратиться в прохожего, пройти мимо этих двоих и послушать, о чем они там щебечут.

Прохожий – вещь незаметная. Он в каком-то смысле предмет. Как тот фонарь, или эта стенка, или урна, или копейка на мостовой.

И поскорей, пока эти двое не разбежались.

Я вышел из подворотни, быстренько одолел улицу и свернул за угол на проспект. Постоял, сосчитал до двух и опять вернулся на улицу, на ту сторону, где стояли они.

Что на свете серее пыли? Мышь. А серее мыши? Правильно, школьная форма.

В своем мышинном костюмчике я чувствовал себя невидимкой. Костюмчик был мешковатый, то есть сильно напоминал мешок. Мешок, а в мешке – я на фоне длинной серой стены дома № 31.

Игра в прохожего мне понравилась. В ней главное – быть

естественным, вести себя по-простому, средне, не выделяясь. Примерно так же, как в жизни.

Я шел себе руки-в-брюки, насвистывал «Подмосковные вечера» и, как бы щурясь от воскресного неба, присматривался к таинственным незнакомцам.

До них оставалось домов пять или шесть. Я уже приготовил уши. Вот тут-то и случился конфуз.

Дом № 23 был цветом не такой, как другие. Другие стояли серые – от времени и от скуки, – а этот весь был какой-то бледный, золотушно-чахоточный, и стоял, опираясь, будто на костыли, на старые водосточные трубы.

Моя серая мешковина на фоне этой больничной немочи была как толстый рыночный помидор на тарелке с магазинными сухофруктами.

Плакала моя маскировка.

Но тут я вспомнил, что у куртки существует подкладка. И цвет примерно подходит.

Долго я не раздумывал. Вывернул на ходу одежду, и иду себе не спеша дальше, свищу «Подмосковные вечера».

Прошел я желтушный дом, вывернулся серым наружу и снова стал, как мешок.

Пронесло.

На этих я уже не смотрел, боялся спугнуть. Глаз ведь, он, как фонарь, – его издалека видно. Поэтому я работал ухом, помогая ему ногами.

И все же я немного не рассчитал. Вернее, глаз мой дал ма-

ху, засмотревшись на какую-то вмятину на асфальте. Правда, вмятина была интересная и по форме сильно напоминала шляпу Лодыгина. Поэтому, когда я услышал голос, то сначала чуть не подпрыгнул, но тут же взял себя в руки.

«Спокойно», – сказал я себе и весь превратился в слух.

– Значит, так, – говорил Лодыгин (голос был, точно, его), – главное, чемоданы. И всех расставь по местам. Чтобы ни один у меня...

Дальше я не расслышал. Ноги сами несли вперед, и что-то больно давило в спину. Я догадался, что. Взгляд, тяжелый и липкий, словно глина или змея.

В воздухе запахло больницей.

«Не оглядывайся. Ты прохожий, терпи.»

Я чувствовал, обернешься – застынешь каменным истуканом и останешься таким на всю жизнь.

За углом я выдохнул страх и глотнул осеннего воздуха. Небо было в солнечных зайчиках и в вертких городских воробьях. Но почему-то перед моими глазами плавали раздутые чемоданы. Как утопленники, как накаченные газом баллоны, как гигантские городские мухи. И шептали мне лодыгинским голосом: «Теперь ты наш, теперь от нас не уйдешь».

8

Я смотрел на Женькины занавески и ждал, когда он откликнется. Мелкие камешки нетерпения перекатывались у меня под кожей, не давая спокойно жить. Изнутри кололо и жгло, как будто я проглотил горячий пирог с ежами. Надо было срочно поделиться новостью с другом.

Я еще раз свистнул в окошко условным свистом. Женька не отвечал. Легонько дернулась занавеска – видно, от сквозняка, – и из щели выглянул тяжелый угол комода.

Со скрипкой он там, что ли, своей обнимается? Я нервничал, новость жгла. Я пошарил вокруг глазами, высматривая, чем бы бросить в окно, но ничего подходящего не нашел. Придется тратить драгоценный мелок. Я прицелился и запустил им в стекло.

Мелок влетел точно в форточку, в прореху между тюлевыми занавесок. Я свистнул на всякий случай еще, чтобы не подумали на уличных хулиганов.

Занавеска взмахнула крыльями, я вытянул по-жирафьи шею. Хитро, как преступник преступнику, мне подмигнул комод. Потом он пропал из виду, потому что на его месте вдруг возникла Суламифь Соломоновна, мама Женьки. И жалкими высохшими тенями, будто уменьшенные с помощью волшебного порошка, маячили между пальмами на обоях Женька и его скрипка.

Оконная створка щелкнула и отскочила наружу. Солнце ударило из-за труб, волосы Суламифь Соломоновны окутались золотым дымом. Теперь она была не просто Женькиной мамой, она была библейской Юдифью со знаменитой эрмитажной картины. Я чувствовал, что моя голова почти уже не держится на плечах.

Я поднял глаза и хотел промычать «здрасьте», но ее жемчужное ожерелье слепило, будто электросварка.

– Это жестоко, молодой человек. Посмотрите, что вы сделали с птицей.

В ямке ее ладоней лежал контуженный попугай Степа. Голова его была вся в мелу, хохолок, когда-то изумрудно-зеленый, стал грязнее обшарпанной штукатурки. Он с трудом повернул голову и хрипло воскликнул: «Умер-р!». Потом трагически закатил глаза. Потом приподнялся на правом крыле и, откинув левое в сторону, тихо сказал: «Вр-рача».

К горлу Суламифь Соломоновны подкатилась соленая волна жалости. Она взглотнула, шея ее надулась, она хотела что-то сказать, но не успела – нитка с жемчугом оборвалась и на серый асфальт земли просыпался звонкий дождь.

Несчастливая Суламифь Соломоновна заметалась, словно пламя в окне.

– Ты...ты... – Она тыкала в меня пальцем, как будто это я перетер ниточку взглядом.

– Ты... – И вдруг она замолчала, вместо губ заговорили глаза, наливаясь жемчужинами-слезами.

Попугай в секунду превратился в живого и, разбрасывая облачка мела, поскорей улетел в комнату.

Надо было Суламифь Соломоновну выручать. «Сейчас», – крикнул я и первым делом кинулся выручать ниточку, которую ветер прилепил к урне. Я поднял ее, бережно намотал на палец и, ерзая коленями по асфальту, пополз собирать жемчужины.

Но ветер оказался проворнее. Он ударил тугой струей, полетели по мостовой листья, упали с проводов воробьи, толстые осенние голуби запрыгали, как войлочные мячи, и застряли в Климовом переулке.

А когда улеглась пыль, жемчужин больше не было ни одной, все их склевали птицы. Тогда я смотал с пальца ниточку и весело помахал ею в воздухе.

– Вот...

Наверно, улыбка моя была слишком широкой, потому что Суламифь Соломоновна вдруг сделалась белой-белой, а потом вдруг сделалась красной, почти бордовой, но это была уже не она, это была каменная плита комода, нависшая над моей могилой.

Воскресенье кончилось, начался понедельник.

Опять было утро, но квартира уже молчала – родители ушли на работу, соседи тоже, остался лишь инвалид Ртов. Он сидел на кухне на табурете, ремонтировал свой костыль. Потом хлопнула дверь на лестницу, это пришел с ночного дежурства еще один наш сосед – Кузьмин.

Дядя Петя Кузьмин работал где-то в охране и зимой и летом носил шинель и зеленую пограничную фуражку. Еще он курил трубку – «в память о товарище Сталине».

В школу я ходил во вторую смену, утро было свободное, уроков на понедельник не задавали.

Я валялся на пролежанной оттоманке и грыз в зубах авторучку. Передо мной лежала тетрадка, на обложке было написано красивыми буквами: «Тайна ракеты». Ниже тянулись буквы помельче: «научно-фантастический роман».

Писать роман я начал еще в прошлое воскресенье от скуки – потому что день был пропащий, с утра поливало как из ведра, и на улицу идти не хотелось.

Первая глава начиналась так:

Я шел по дремучему лесу и вдруг увидел человека в скафандре, который со злобещей улыбкой смотрел мне прямо в спину. Я почувствовал недоброе. Вдруг он выхватил атомный пистолет и нажал курок. Я нагнулся, и атомная пуля пролетела

мне прямо над головой. Пока он перезаряжался, я отбежал за дерево и вдруг увидел ракету, которая стояла, как зловещая сигара. Вдруг в ракете открылся люк. Я залез в люк, и вдруг она полетела вверх. Я увидел в иллюминатор, как человек в скафандре бежит к ракете, но было поздно. Ракета уже приближалась к космическому пространству.

На этом месте первая глава обрывалась, и я кусал несчастную авторучку, не зная, что написать дальше. Будто это она была виновата.

На кухне грохнул об пол костыль. Я приоткрыл дверь в коридор.

– Пестиком, я тебе говорю, – сказали голосом дяди Пети.

– А я говорю, пальцем. – И снова бухнула деревяшка Ртова.

– Знаешь, что пальцем делают? Им в носу ковыряют. А трубку товарищ Сталин всегда набивал пестиком. У него был такой специальный, ему тульские оружейники его к юбилею сделали.

– Ты это старухе своей рассказывай насчет пестика. Трубку товарищ Сталин набивал пальцем, вот этим, большим, потому что был человек простой.

Что-то там у них заскрипело, видно, инвалид стал показывать, как товарищ Сталин набивал трубку.

Через пару секунд я услышал:

– Ртов, ты на фронте был? Вшей в окопах кормил? Может, скажешь, фашистским танком ногу тебе отдало? Чемода-

ном тебе ее отдавили, когда драпал за Урал в тыл.

«Чемоданом.» Я даже вздрогнул, едва услышал знакомое слово.

На кухне затрещал табурет.

– В тыл, говоришь? За Урал? Ну все, вохра поганая, сейчас я тебя буду ставить к стенке.

Дядя Петя хрипло расхохотался.

– Сам я таких, как ты, ставил к стенке, бендера.

На кухне запахло порохом. Надо было срочно бежать во двор, пока не ударила тяжелая артиллерия.

Человек Лодыгин аккуратно подышал на очки и протер их насухо тряпочкой. Телескоп он приготовил заранее: тот с вечера дремал на треноге и дулом был повернут во двор.

Будильник прозвенел девять.

Лодыгин окунул глаз в окуляр и увидел черную ночь. Он еще раз посмотрел на будильник: утро, две минуты десятого. Приставил будильник к уху: ходит.

Тогда почему ночь?

Он сдвинул шляпу на лоб и подергал волосы на затылке. Походил, подумал, хлопнул себя по шляпе, танцуя подошел к телескопу и снял с него переднюю крышку. Потом снова заглянул в окуляр.

Теперь он увидел двор. Во дворе было пусто и тихо. Ни травинки, ни человека – осень.

– Опаздывает, – сказал он вслух. – Вот и связывайся с такими.

На стене висела картина «Утро в сосновом бору». Под картиной стоял аквариум – стеклянный пятиведерный ящик, наполненный рыбками и водой. Декоративная пластмассовая коряга изображала морское дно. Рыбки плавали у поверхности и тянули из воды рты.

– Нате жрите, – сказал человек Лодыгин, снял со стены картину и стряхнул в аквариум тараканов, пригревшихся на

заднике полотна.

На лицо его выскочила улыбка. Он затер ее рукавом и только потянулся за папиросами, как ухо его задрожало и повернулось к окну. Что-то в нем, в его ухе, аукнулось.

Человек Лодыгин вмиг позабыл про рыбок и папиросы и бросился к телескопу.

На сморщенной ладони двора стоял человек. Человек этот был я, но только большой и сильный. В этом был виноват телескоп.

Лодыгин все-таки дотянулся до папиросы и выпустил стебелек дыма.

– Ты-то мне, голубчик, и нужен, – сказал человек Лодыгин и выпустил еще один стебелек дыма. На конце его вырос дымчато-голубой цветок, пожил немного и умер от сквозняка.

– А этого мерзавца все нет, – он хмуро посмотрел на будильник, – опаздывает на пятнадцать минут. Если минута – рубль, то с него пятнадцать рублей.

– Шестнадцать. – Человек Лодыгин проследил, как стрелка перепрыгнула на одно деление, и стал ждать, когда выскочит еще рубль.

Я вышел в наш молчаливый двор и задумался о времени и о дружбе.

К Женьке было нельзя, теперь уже, наверно, навечно. Черепаха Таня еще спала, она у нас была полнощница. Делать было решительно нечего. Ладно, пойду домой, может, бойцы на кухне перебили друг друга, и можно спокойно повыпиливать лобзиком.

И тут я услышал голос. Он вырвался из трубы подворотни, как полоумный пес.

– Ножи точу! – закричало над моим ухом, и в облаке серебряной пыли на двор выкатился старик.

Перед собой он толкал что-то похожее на патефон на колесиках – такое же хриплое и горластое, прилаженное к металлической раме и в брызгах трамвайных искр.

– Семнадцать рублей двадцать четыре копейки, – сосчитал у себя наверху человек Лодыгин. Потом, не отлепляя глаза от окуляра, дотянулся до широкого подоконника.

На подоконнике храпел кот. Он был черный, как головешка, и тяжелый, как чугунный утюг. Хвост у кота был огненный, как свернутое в трубочку пламя.

Рука Лодыгина взяла кота за загривок и развернула хвостом к окну. Кот лениво разжмурил глаз, зевнул и захрапел дальше.

– Ножи! Точу! – Старик, щурясь, сначала посмотрел на меня, потом внимательно оглядел двор, потом сунулся взглядом в окошки и быстренько прошелся по ним. На каком-то он, похоже, споткнулся, потому что сказал: «Ага» – и снова посмотрел на меня.

– Поганый у вас однако дворишко, не разживешься. Эй, шпанина, ты тутошний?

Человек Лодыгин приставил к уху метровую слуховую трубу, а конец ее вывел в форточку.

– Тьфу, прости Господи! Ну как с такими невеждами культурному человеку дело иметь! От него ж тюремной баландой за километр пахнет. Помягче надо, помягче, дите ж, а не черт лысый. Нет, пора останавливаться – не хочу, не могу, не бу...

Стоптанным рыжим ботинком старик давил на рубчатую педаль, а голосом давил на меня.

– А что? – спросил я.

– А то, – сказал мне старик. – Значит, местный?

– Ну, местный.

– Вижу, что не американец. А скажи, ты не сирота?

В его мохнатых глазах не плавало ни капли улыбки.

– Это почему сирота? Не сирота я.

– Ага, не сирота, жаль. Если бы ты был сирота, я дал бы тебе вот это.

Старик вынул откуда-то из себя конфету «Мишка на севере» в сморщенной вощенной обертке.

– А раз ты не сирота, то получай вот это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.